

ВЛАД ВОЛКОВ

МИЗГИРЬ

ЧЕГО ТЫ БОИШЬСЯ?

16+

Влад Волков

Мизгирь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66848858

SelfPub; 2021

Аннотация

Главный герой отправляется в сельскую местность для осмотра и выкупа земельных участков для деятельности своей фирмы. Но в глухих деревнях в это самое время разрастается вспышка загадочной болезни, истоки которой лучше даже не пытаться искать.

Влад Волков

Мизгирь

– «Волки», на «и» ударение, понял? – звучал в трубке голос начальника, – Ачитский округ, недалеко от западных границ нашей Свердловской области, – напоминал Сергей Степанович, сидя где-то там, в Екатеринбурге, в уютном кресле да внутри просторного кабинета руководителя отдела, пока я под хмурым небом ехал в машине и приближался к концу своего маршрута.

– Да помню я, – отвечал ему, нехотя, слишком уж сильно беспокоится.

– И я тебе ещё раз повторяю, никакого антуража захоlustья и деревни нам не надо, к нам по каким запросам приходят, знаешь? Люди даже уже не «дачи» ищут себе. Нам нужны «коттеджи» и «таунхаусы», понял? Если есть ракурсы хорошие и дома крепкие, фотографируй в лучшем виде. Если совсем всё запущено, лучше снесём, да я строительную бригаду свистну. Приедут, составят там и из брёвен, и из камня. Ты мне, главное, всё разведай.

– Да, да, – отмахивался я от его назойливого внимания, вот жеж «типичный козерог», во все мелочи вьестся, каждую деталь по сто раз напомнит...

И ведь всё равно потом, как обычно, будет чем-нибудь недоволен. Чёртовы перфекционисты! Только мешают жить

обычным людям. Но начальство есть начальство, и это он ещё у нас не самый главный. Контора занимается продажей земельных участков обычно уже с готовыми постройками – дачные загородные дома, чаще всего круглогодичные, реже чисто летние, а при них: гараж для машины, сарай для инвентаря, банька обязательно, бывает цветники там, сады-деревья, детские площадки в виде песочницы да качелей, удобства разные, даже красивую будку для семейного любимца-пса под размеры оно могут сварганить, лишь бы клиент был доволен. А те и рады поменьше самим пристроек всяких ставить, легче заплатить за уже готовое. Понимаю, сам из таких, моя дача под родным Екатеринбургом между Курганово и Красной горкой, как раз благодаря работе и досталась по хорошей цене. По Полевскому тракту, в основном, добираться, так там километров под пятьдесят, а здесь-то все двести до этого Ачита!

Ну, точнее, до Ачита-то около ста семидесяти, но мне-то «Волки» нужны. А это ещё на каком-то там расстоянии. По крайней мере, расходы на бензин мне оплачивает контора. Это, пожалуй, самое главное. Да и ремонт, если прокол шины или ещё чего случится в пути, можно будет к ним счёт направить. Ну, а что? Нечего в глухомань посылать. Раньше Светку Рогозину отправляли по таким деревням вопросы улаживать, уж больно фотографии красивые делала, так она машину раз сломала, два сломала, завязла в какой-то грязище ещё как-то, было дело... По итогу вернулась к мел-

кой кабинетной работе, а меня повысили. Вот и езжу теперь по всякому «Кукуево», узнаю, чья земля, давно ли налог не уплачен, когда речь о заброшенных участках, вот в этот раз с Большеутинским сельским советом выяснять все эти вопросы предстоит как раз...

– На въезде в Ачит тебя встретит Паньков Георгий Владимирович, местный участковый, – бурчал в телефоне медвежий тембр руководителя, – Всё покажет, объяснит.

– Помню я, – приходилось отвечать, не вешать же трубку, имитируя проблемы со связью в такой глуши, хотя теми могут и сами по себе явиться, – Мужчина в форме тридцати двух лет. Вряд ли там целая толпа будет похожих, чтобы я не узнал.

– Это он тебя узнает по красному «пежо», – надрылся Степаныч.

– Хорошо хоть по «пе», «жо», а не наоборот, – отшучивался я, поглядывая на навигатор, марку благодаря логотипу и вправду легко узнать, впрочем, как и любой другой известный автомобильный бренд, – Почти на месте. Фотки пришлю ближе к вечеру, – пообещал я и таки сам закончил разговор.

Разумеется, болтать за рулём по телефону запрещается, опасно и для себя, и для пассажиров, коих сейчас при мне нет, и для пешеходов вокруг, да и для других автомобилистов, в которых можешь врезаться. Но когда речь про такую местность, где, словно и машин-то не видали, а до сих пор ездят на лошадях, запрягая летом в телеги, а зимой в сани, то

и звонок начальства можно было принять. А вообще, по возвращении куплю уже себе эту гарнитуру. Наушник и микрофон, а то сам будто не с этого века, ей богу. Подъезжаю, так сказать, по адресу – вот уже и миниатюрная и красивая реконструкция знаменитой Ачитской крепости слева от дороги, а вон и въезд в сам нынешний посёлок. Ничего не перепутал, да и навигатор не наврал, слава технологиям.

Обещанный участковый и вправду был. Наглаженная форма, красивая фуражка, красующийся табельный пистолет в кобуре, всё как положено – грозный вид, да ещё пряжка на ремне с Российским гербом. Патриотичный мужчина, однако. На первый взгляд без бороды и усов, а, как вышел, заметил колючую небритость двух-трёх дней, которой он ради встречи с гостем из административного центра области решил даже не заниматься.

А я вот хорошо побрился перед встречей. Впрочем, может, отращивал бы вообще и бородку, и усы, как у Степаныча, моржовые в тон всему его облику дотошного начальника, да вот жена против. Касаться и целоваться Ленке не нравится, когда колюч, как еж. Да и дети тоже против, оба. По ним и определяю, что пора побриться. Если в прихожей, когда домой возвращаюсь, просто целуют папку в щёку, то нормально всё, а если начинается «у-у, колючий» – значит, завтра вставать минут на пять-десять пораньше и жужжать бритвой по лицу какое-то время. Кстати, её бы тоже обновить, купить посовременней. У Лены что ль попросить ко Дню Рождения,

раз она так настойчиво спрашивает, что подарить, а я никогда не знаю, что.

Ну, вот что? Что можно подарить мужчине, у которого всё есть? Дача по скидке с места работы досталась, за полцены и всего в пятидесяти километрах от города. Даже у Степаныча за семьдесят три или семьдесят пять там, не помню, но он периодически рассказывает. Красавица-жена тоже при неплохой работе в компьютерной фирме, оказывающей услуги дизайнера и рекламы, в общем, рисуют все эти «шапки», «баннеры», а она на связи с клиентами. Двое детей, у которых тоже и игрушки, и планшеты, и велосипеды. Надеюсь, счастливое детство. Мы по возможности и семейные походы в кино, и на пикник, и в парки с аттракционами устраиваем, стараемся уж жить полноценной жизнью. Машина вот есть не самая плохая. Чего ещё желать?

Вот и выходит на праздники какая-нибудь мелочёвка да ерунда – новая обувь, набор галстуков и рубашек, дорогой коньяк и ликёры, хотя я на самом деле больше люблю вино. Телефон и тот современный, три года назад всего куплен, я даже ещё не все его функции освоил, как мне кажется. Гарнитуру вот к нему да новую бритву, вот он, предел жизненных мечтаний. Да и зачем вообще эти подарки ко Дню Рождения? Лучше уж скопить вместе денег и рвануть в семейный отпуск. Прыжок на тарзанке-резинке с моста над пропастью всяко больше впечатлений даст за те же деньги, что и новая бритва. В наше время главное – уметь отдыхать. А

то все сидят в этих своих скорлупках, скрюченные ракообразные и офисный планктон, работают, работают, работают что-то там себе вечно, домой приходят и снова работают, не с компьютера так с ноутбука, не с ноутбука так с планшета. Какой-то мир «типичных козерогов», кому не позвонишь в субботу – «Что делаешь?» – «Работаю» отвечает! О как! Ну, нельзя же так, люди! Сами себя что ли не любите? Надо ж меру знать, уметь расслабиться, отдохнуть хорошенько! Отвлечься от всего этого груза дел, ответственности, незаконченных проектов, висящих задач, домашних обязанностей... Превращаемся в каких-то роботов. Дом-работа, дом-работа, что это такое?!

Вот мы хотя бы полезным делом занимаемся – продаём загородный уют. Место, где можно и шашлыков нажарить, и картошку запечь, и по грибы в лесок сходить, да и черники набрать. Детям бассейн и площадка для игр, поляны для бадминтона всякого. А заодно и на речку ближайшую за рыбой выбраться можно, посидеть тихо с удочкой, красота! «Волки» эти как раз на левом берегу реки Ут удачно расположились! Сейчас разгребу будущий рай для семейных гнёздышек, отправки туда своих бабушек, а к ним детей и внуков на лето. И деревенька процветать начнёт, вздымаясь из захолустья в ухоженный цивилизацией посёлок, и мы при деньгах, все счастливы. Так и должно быть.

– Пётр Панкратов? Ильич? – спрашивал у меня, сверяясь, местный участковый, – Паньков Георгий Владимирович,

старший участковый Ачитского городского округа, – медным тоном чеканил он приветствие на мой ответный кивок головы, – Здравия желаю и приветствую в наших краях.

– Ильич, да не «тот», – усмехнулся я, – Даже Пётр Ильич, а всё равно не «тот», – протягивал ему свой паспорт, дабы он убедился, что встретил того, кого надо.

Документы он сам не требовал, но это мне Степаныч велел всё ему показать, а приказы начальства, они обычно не обсуждаются. Паньков этот плечист, могуч, почти вдвое шире меня, подтянутый такой, прям пешком меж своими деревеньками словно бегаёт, в форме себя держит. По крайней мере, не вижу рядом ни его машины, ни служебного сопровождения с водителем-напарником, ни даже велосипеда какого-нибудь.

А вот табличка «Ачит» здесь совсем старенькая, её б тоже заменить неплохо бы в ближайшее время. Зато герб красивый, с лебедем. Впрочем, мне дома продавать не здесь, а в «Волках», с ударением на «а», как начальник просил. Так что главное, как там будет всё выглядеть, особенно на въезде. Если мы там из деревни «Садовое товарищество» устроим, то ещё и ворота с будкой-сторожкой возводить ребятам придётся, ограду, может, какую вправо-влево от входа, скорее для красоты. Нельзя ж всё ограждать, как люди в лес ходить будут и на речку, так символически всё оформить под опрятный вид, навести марафет.

– А по документам «тот», – не понял он, кажется, моих

шуток про Ленина и Чайковского, возвращая паспорт, – Ну, что? Пожужём, перетрём немного и пойдём на «Волков» глядеть, – криво улыбнулся мне старший участковый, приглашая пройти на территорию посёлка.

– Перетрём? А случилось чего? Сразу деревню смотреть не поедём? – удивился я, шагая следом.

– Да напасть тут стряслась, болезнь какая-то, – показал он мне на переходившего с авоськами, в которых громыхали бутылки молока, мимо нас тощего пожилого прохожего, у которого на шее виднелся крупный красный нарыв, а вокруг ещё несколько волдырей поменьше.

– Эпидемия что ль? – не пожелал я даже идти дальше.

– Да вот чёрт её знает, Пётр Ильич, с неделю такое. Может, и раньше отдельные симптомы были, да теперь повально народ с язвами ходит. Точнее дома сидит, у нас карантин, ты гляди, как пустынно, – показывал он мне на улицы с редкими прохожими и людьми, стоящими возле своих домов где-нибудь во дворе или в огороде, – В магазин по одному ходят, – проводил он взглядом того бородача в шерстяной шапке и тёмно-бурой куртке, с сетками в руках, на волдырь которого пялился и я, слушая участкового.

– Вам бы с санэпидемстанции тогда кого-то, – был я всерьёз взволнован.

– Да приезжали уже, осматривали народ, оставили своих врачей, мажут там, следят, протирают... Легче пока не становится. Детей всех, кто ещё не заболел, решено в Екатерин-

бург увезти по интернатам, старики все опухшие, у многих взрослых тоже проявляется за эту неделю: на ногах, шее, чаще всего на спине вздувается, свитер не надеть, куртку не застегнуть, понимаешь? Ходят, как с горбом, бедолаги. Вот автобусы с социальными работниками приехали днём, ребятню собирают. Там ж визги-слёзы, у матерей дитя отбирать. Так ради их же блага! Взаимного! – рассказывал он, – И родители малышей не заразят, и те будут в безопасности, накормлены, ухожены. У вас ж там неплохие интернаты в центре, да? – обратился он ко мне, а я аж обомлел от вопроса.

– Ну, да... Наверное... – только и промямлил в ответ, мне-то почём знать вообще?!

Описанной им суматохи с истериками на въезде в город слышно особо не было. Всё происходило где-то поглубже, но какие-то стоны и вопли иногда доносились. Не факт даже, что от матерей, может то были поражённые недугом страдалыцы. Тем более, если болезнь и вправду доставляет столько дискомфорта.

Где-то вдаль увидел двух человек в больничной спецодежде и бледно-бирюзовых масках на лицах, стало как-то не по себе. Не люблю я врачей, сам не знаю почему. Наверное, это что-то из детства, боязнь уколов, забора крови и вообще любой боли, которую тебе причинили эти люди в белых халатах.

– О чём перетереть-то хотел, – остановился Георгий Владимирович, – За руку ни с кем не здоровайтесь здесь и в

«Волках». Старайтесь не касаться, не обниматься с приятелями, если таковые есть. Все утверждают, и местные, и доктора из центра, что это всё проклятый Борщевик Сосновского, мерзкое растение, которое в солнечные дни обжигает до подобных волдырей. То ли споры его летают в воздухе, то ли у кого растёт тут. Но я сам не знаю, оно это или вирус какой. На всякий случай дистанцию держите от местных, чтобы через дыхание не заразиться, мало ли что. Врачи сейчас всё ещё выясняют, что такое да как передаётся, почему настолько острая аллергическая реакция у людей пошла. Скоро маски завезут, думаю, если что-то серьёзное, пока только сами в них расхаживают, даже мне и моим ребятам не выдали, сторожи, мол, покой селян, как хочешь! Я-то закалённый, ко мне всякая зараза обычно не пристаёт, – хвалился он, – Но глядя на вот это всё, – оглядывал он спину одного, сгребавшего граблями листву, человека, который уже и рубашку накинуть был, видимо, неспособен из-за нарывов, – Уже начинаю волноваться. Борщевик, не борщевик, чёрт его знает, Пётр Ильич.

– Я вернусь тогда, пожалуй, – не захотелось мне здесь задерживаться, – Раз у вас такое дело, то мы и строителей сюда вызвать не сможем, и дома продавать из «Волков» как? – риторически вопрошал я вслух.

– Дык то в «Волках», там ещё убедиться надо, какова ситуация. Мне туда ехать, потому и вас ждал, – гремел ответ его чеканным металлическим тоном, словно он теперь уко-

рял меня в том, что я хочу свалить из такого места, – В «Волки» дорога через Ачит не лежит, – заявлял он, – Мы сейчас отъедем с пол километра да повернём направо, – принялся Георгий мне объяснять, – Там мимо Поедуг в Верхний Потам, деревенька такая, её насквозь проезжаешь, потом также сквозь Большой Ут и в «Волки», мимо Лузенины. Везде глянем ситуацию, – буквально вынуждал он меня с ним проследовать.

Подводить человека было нехорошо. Заодно я мог кроме должной деревни осмотреть продающиеся или ничейные участки в трёх, если не в четырёх, которые мы будем проезжать по пути. Раз уж всё равно там останавливаться, я могу и сам побыть «типичным козерогом» и поработать втрое больше, чем должен, на благо конторы и ради собственного кармана. Глядишь, и премию ещё дадут за всё это. Лишь бы кроме Ачита болезнь эта более нигде не распространялась. Коли уж дело в борщевике, то он мог расти где угодно, так что только ли здесь такое творится или ещё где народ хворает, можно было лишь догадываться.

– Ладно, составлю компанию, раз уж договаривались, – Авось этот борщевик не повсеместный в ваших краях, – В конце концов, вернувшись напуганным вусмерть ожогами, даже не доехав до «Волков», меня точно не ждёт от начальство ничего хорошего. За трусость по головке не погладят.

– Да ликвидируют его, борщевик неладный. Сейчас доктора разберутся, что к чему, сорт такой, погода такая, ещё че-

го. У нас жара ж стояла, «бабье лето», это сегодня день хмурый выдался. Надеюсь, не ливанёт, – говорил он, – В общем, срежут или выжгут этот борщевик к хренам собачьим, как везде обычно, – уверял участковый, – Вернут через неделю детей в семьи и жизнь наладится. Всех мазями и компрессами вылечат. Из моих коллег вон никто ещё не пострадал, да и местное население где-то на треть лишь заразилось. Просто меры надо вовремя предпринимать.

Вот я б тогда через неделю лучше бы и вернулся, зачем сейчас с ним пошёл? Не хотелось подводить ждавшего слугу закона, ещё ведь не примет второй раз, если уеду. С таким ссориться не хочется, да и хорошим человеком хочется остаться, раз уж планировали посетить деревню, поедем посмотрим.

Мы отправились на моей машине, так как он явно ждал меня именно для этого. Экономил ли бензин на своей, поломал личную или казённую колымагу или ещё что – я даже спрашивать не стал. Может, врачи санэпидемстанции какое сопровождение попросили. Какое мне дело? Мне подбросить не жалко, да и мужик он, кажется, толковый, о здоровье моём волновался, советы давал, мол, никого не трогать, не касаться.

Покинув восточный въезд в город, мы двигались по дороге, с которой я и приехал, до крупной развилки. Помню её, где-то здесь как раз Сергей Степанович мне и позвонил, отсюда я уж тихо, километров под сорок скоростью, добирался

до Ачита, болтая с ним.

А вот участковый попался не из болтливых. Может, моя растерянность на вопрос о жизни в Екатеринбурге, точнее его интернатах, его оттолкнула от дальнейших бесед, может, что-то там себе обдумывал по поводу случившегося. В общем, лишних вопросов не задавал, следил за дорогой да попросил повернуть на Марийские Карши, первую из встречных деревень.

Признаков болезни там, слава богу, не оказалось, хотя о вреде борщевика люди были наслышаны. Это меня весьма успокоило, так что, если и дальше вверх от Ачита по северной дороге никто ни о чём таком не знает, значит можно не волноваться и смело делать свою работу.

Особо задерживаться в этих Каршах мы, правда, не стали. Я узнавать про участки пока не решился, по пути немало других поселений всё равно встретится. Зато в деревеньке Артемейкова тоже всё, казалось, в порядке, что давало серьёзное облегчение.

Мой спутник пару раз спрашивал не голоден ли я, он ещё там, в Ачите, предлагал перекусить, но так и не довёл меня до кафе или куда там собирался. Так что участковый, походу, был голоден, а я вот после вида тех волдырей напрочь весь аппетит потерял.

В Русский Потам мы отчего-то не заезжали, хотя указатель поворота я видел. Может, сам Георгий проморгал или посёлок был слишком уж далеко от нашей дороги, чтобы сво-

рачивать, я карту местности особо не изучал. Маршрут в навигаторе был вбит из Ачита в Волки, но чем севернее мы ехали, тем всё хуже и хуже становилась дорога.

Вот сквозь Верхний Потам проезжали уже с остановкой, видя вспышки местной тревоги. Есть у них такие случаи, что человек покрывался нарывами и волдырями. Особенно старики страдали, как нам рассказывали. Мы, естественно, смотреть ни на кого не поехали, не врачи и не специалисты же, поверили на слово, но дальше двигались уже с явной опаской.

Ну, а дорога всё шла и шла без остановок и поселений долгое время, обращаясь в совсем уж сельскую местность, без асфальта под колёсами, добираясь до села Большой Ут, сквозь которое та самая река и петляла. Там вот ситуация была не лучше, чем в Ачите. Редкие люди расхаживали по улочкам, все стонали, с крупными, с кулак, волдырями на шее, едва не кидаясь на участкового, чтобы вызвал им помощь. Как будто сами никуда позвонить не могут, ей богу.

Разумеется, Георгий Владимирович тут же позвонил врачам, а мне сказал, что ареал этого борщевика от деревни к деревне различен и надо во что бы то ни стало проведать теперь Лузенину и Волки. Он хотел бы, наверное, и дальше, этим всем его Ачитский округ далеко не ограничивается, но меня напрягать в этом смысле он не хотел.

Да и если бы попросил, я бы, наверняка, всеми правдами и неправдами отнекивался от такой задачки. У меня своё дело,

земли для конторы отыскать. Водителем к местному участковому я не нанимался. Одно дело, если б так, по-человечески, ещё пару-тройку деревень дальше объездить – это да, но по другим дорогам здесь скитаться и возвращаться в Ачит я не стану ни за что на свете.

И без того тошно от увиденных ужасов. Мужчины с голым торсом на улицах ходят и чешутся, на спине меж лопаток пузыри алые надуваются. Мне аж привиделось, что на одном нарыв буквально пульсирует, а дальше такое, что ни в страшном сне рассказать. Аж головой затряс, вытряхивая прочь все безумные и сумасбродные мысли. От страха и паники человеку такое почудиться может, что потом ещё и сердце не выдержит. Однако же и сам участковый шибко дальше этих «Волков» направляться не желал.

– Дальше лучше пешком, – сказал он, вылезая с пассажирского сидения из машины.

– Не проедет? – спросил я уже снаружи, тоже покинув свою уютную кабину с подставками, иконками, кивающими игрушечными собаками и прочим декором, который сам себе и обустроивал для комфорта.

– Увязнуть может, – качнул тот подбородком, опасливо призадумавшись, – Погода вон какая, если ливанёт, так размочет там всё... Эвакуатор только вызывать. А тот тем более увязнет, ты представляешь, сколько он весит? Это ж грузовик-тягач сам по себе. Так засосёт, как болота в бегемоте, ой, то есть наоборот! – посмеялся он.

– Я, кстати, без зонта, не ожидал плохой погоды, – сообщил я сразу, так что в случае дождя мы с ним промокнуем до нитки.

– Как видишь, Пётр Ильич, я тоже, – развёл он руками, словно желал продемонстрировать свою кобуру.

– Будем надеяться тогда, что дождя не случится, – вздохнул я, чтобы мы не стояли возле машины, теряя время, хотя с той же самой надеждой можно было бы сесть внутрь и попытаться поехать.

– Там бобры реку Ут иногда пригородить пытаются, – рассказывал мне по пути Георгий Владимирович, – На дороге ветки, палки, стволы берёз молодых могут лежать. Тут постоянно такое, до Лузенины не доехать. Потом места с грязью есть, да и вообще, дорога, как видишь, паршивая! Острый камешек или ещё какая острая хрень, проткнёт колесо, а запаска-то есть? – зачем-то спрашивал он, когда мы уже изрядно отошли от машины.

– Да, одна в багажнике, – ответил я, повернувшись к нему лицом, идя не сзади, а уже параллельно.

– Вот, одна! – задрал он вверх палец, как мудрец, – Так что если потом ещё какая беда, уже не выберемся.

Идти предстояло не близко, вокруг то степной пейзаж, то убранные поля, то наоборот деревья да кустарники всякие. А река была по правую руку, хотя потом, где-то как раз у деревеньки, должен быть мост, где она нам путь пересекает и уходит налево, и вот там уже вдоль неё после Лузенины

должны быть проклятые Волки.

– Добираться до дачного посёлка надо в комфорте, – обмолвился я, – Так что нам надо будет проследить, чтобы Большеутинский совет вам тут дорогу хорошую сделал. Это сейчас там деревня, а мы облагородим, коттеджный посёлок сделаем для загородного отдыха, – рассказывал я о планах, уже не раз воплощавшихся в жизнь, – Естественно, двести километров от Екатеринбурга мало кто захочет ехать, но для жителей других ближайших городов будет хорошее место.

– Места здесь и вправду хорошие, – с улыбкой говорил участковый, – Скот пасут, урожай собирают, картошку выращивают... Лошадей на продажу ещё. Да, – кивал он мне, будто бы я высказывал какие-то сомнения или удивление на этот счёт, – Кормят, растят да продают потом. Кому в хозяйство, кому на бега и скачки, есть тут такие коневоды в наших краях.

– А это что за чертовщина? – скривил я брови, поглядывая на чучело огромного паука, появившегося из-за деревьев на территории небольшого убранного поля.

Конструкция с машину размером, без учёта лапок, а с ней так на целое столпотворение автомобилей, не знаю даже, с чем сравнить. Из соломы да смятой пожухлой травы, связанной отдельными элементами формировалось колоссальное членистоногое, где, несмотря на общую монотонность и даже сливающуюся с соответствующим выцветшим к осени фоном окраску, можно было выделить и выпукло-

сти нескольких глаз, и отдельно поджатые эти ного-челюсти, хелицеры, если бесполезные знания по биологии ещё не покинули мою память. Всегда считал, что кроме точных наук остальные школьные предметы – та ещё ерунда для любителей кроссворды поразгадывать. Вот зачем мне столица Гвинеи? Я уже даже не помню, где она, в Африке или в Южной Америке, Гвинея эта...

– А, так это мизгирь, – отвечал мне участковый, словно мы уже с десятков таких повидали и я интересовался о чём-то настолько обыденном, словно то был не «мизгирь», а «снегирь».

– Что? – переспросил я, чуть сощурившись.

– Мизгирь, – отвечал собеседник, – Так местные называют пауков. Это здесь культ целый обрядный, сельская местность! Это вам не городские с их паникой перед каждым заползшим в дом насекомым!

– Пауки не насекомые, – тихо пробубнил я зачем-то вслух, больше в надежде, что он не услышит, как я его поправляю, только вот сдержаться всё равно не смог.

– От старославянского слова «мезгти» – сплетать, вязать. А мезга – это сеть, любая, – объяснял участковый, – Это ж из-за Райкина мы «авоськами» такие сумки называем, а до него-то мезга и есть мезга! А кто сети плетёт, тот мизгирь. То бишь паук. Вредителей ловит, дома в углу лад наводит, почти воплощение домового. Тут пауков чтят, – заявлял мне Георгий Владимирович, – Он и символ луны, и женское на-

чало, ткачиха вон, как у Пушкина, самая популярная на селе работа. Одежды-то шить кому-то надо на всех. Портки, рубахи, сарафаны, платья, накидки эти всякие, платки. Тут край ткачих! – разводил он руками, имея в виду близлежащие деревни. А до Христа на Руси знаешь, что было? – уходил участковый уже в какую-то теологию.

– Идолы, язычество, – отвечал я по курсу школьной программы.

– Именно. В каждом краю свои боги. Где рыбацкая деревня, там водяных всяких чтят, речных да озёрных чудищ. Где леса кругом, там лешие, где гадюшники рядом, там культ змея, дабы людей оберегали и не трогали, откуда по-твоему Горынич? Змей у нас на землях полным-полно, как таким не поклоняться. А где-то вот культ Паука-творца, плетущего весь наш мир, как паутину. Старые-старые допотопные верования. Местные любят за рюмашкой поделиться легендами предков, – объяснял он, откуда всё это черпает, – Паук в центре паутины был символом Солнца, ещё задолго до Сварога, Дажьбога и Ярилы. Паук был символом удачи, призывал дождь для урожая, защищал от бурь и сильных ветров, уводил грозы в сторону от деревень. Ну, так верили, – рассказывал он мне.

– И до сих пор возводят идолов из сена? – поравнялись мы уже с гигантским пауком из жухлой смятой травы.

– Как видишь, – усмехнулся тот, – Они тут повсюду расставлены. У кого солома есть, тот и мастерит. Иногда детиш-

ки шалят, иногда всей семьёй помогают. Обычно небольшие, этот и вправду прям крупноват, – поглядывал на конструкцию участковый, – Но всё равно там метра по три – по пять в лапках делают.

– Ох, и чего мастерят-то? Вот на Масленицу это я понимаю, чучело зимы сперва делают, а потом жгут. Тут-то чего? – интересовался я, а мы пошли дальше.

– А тут, как бы тебе сказать-то понятнее, сельские жители они, понимаешь? Тут не то, что телевизор не в каждом доме, а свет и холодильники не в каждой деревушке. Всё в погребках хранят по-старинке! – отвечал Георгий, – В лучшем случае газовый баллон и конфорка. В общем, творчество это такое народное, самовыражение, выказывание любви к своим почитаемым духам. Где гжель, где хохлома, а по всей стране вот такие скульптуры из соломы, – рассказывал он, видать, в газетах читал, или по тому же «ящику», не сам же по России всюду ездил.

– Додумаются же, – шли мы дальше, а я всё дивился, – Нет, ну, ни корову, ни коня «троянского», – усмехался на это всё, – Это ж надо столько сил и труда в членистоногое вбубухать.

– Вон ещё один, – показывал он мне уже на поле по левую руку, само весьма крупное, а фигуру паучка помельче предшествующей где-то на четверть, если не на треть в размерах.

– Жутко тут по ночам должно быть, – отметил я, хотя собеседник мой этого мнения не разделил, ему-то всё привыч-

но и обычно, вырос где-то здесь, небось, местный.

– Идём, вон у яблони присядем, фруктов поедим, – предложил он мне определённо не от усталости, а от голода.

Я не против был перекусить, уже и на меня как-то наплывало ощущение пустоты в желудке, а дикорастущая недалеко от дороги яблоня и вправду плодоносила в самый свой сезон. Не так, чтобы прям вся устлана была плодами, многое уже собрали здешние сельские жители, но всё равно на ней красовалось ещё предостаточно румяных и спелых яблок, так что мы сорвали те, до которых смогли дотянуться, да присели, облокотившись спиной на могучий ствол, беседуя о еде.

Разговор как-то зашёл о сортах чая, о способах приготовления, мол, тут у многих до сих пор самовары вместо свистящих чайников, про любимые закуски, сушёную местную рыбу, которой советовал затариться в Ачите на обратном пути, вот только я туда всё равно ни ногой.

Яблоки были вкусные, сочные, слегка перезрелые, отчего уже рассыпчато разлетались во рту, а я такие и люблю больше всего. Даже жаль это деревце стало. Вот проложат здесь асфальт, понаедут машины в роскошный дачный комплекс... Его бы ещё переименовать, кстати. Это был мой первый пункт разговора с Большеутинским сельским советом после исследования местности и подходящих участков.

Ну, какие такие «Волки»? Куда ударение ни ставь, всё равно дичь какая-то! Даже коттеджный посёлок «Волково» и то не звучит, будто опасные дикие края. Надо мягко, как-то по-

доброму. «Солнечный» там, «Сухарёво» – моя бабушка рассказывала, если в названии деревни есть что-то про сухари, значит, хлеба было вдоволь, что аж на сушку сухарей оставалось, жили припеваючи, получается. А, может, «Яблоневый» даже назвать, в честь этого бедного деревца, которому потом задыхаться выхлопными газами. Может, упросить ребят его выкопать да пересадить на чей-то участок? С хорошей прижившейся яблоней он и стоять дороже будет, престижно, почти свой сад уже есть...

– Ладно, отдохнули, – имел он в виду, видно, «перекусили», – Пора и двигаться дальше, – приподнимался и отряхивал ладони, а заодно и брюки формы участковый, – Лузенина состоит из двух частей как бы. По юго-восточную сторону моста и, соответственно, по северо-западную ещё территория. Потому нам перед походом в Волки прогулка та ещё предстоит, надо и там, и сям опросить жителей, сторожей, к врачам, может, местным зайти. Хорошо бы вот они уже там всё выяснили про борщевик, жаркой осенью давший такую болезнь нам.

– Хорошо бы там никакой этой эпидемии не было вообще, – проговорил я, надеясь всё-таки поработать, и вздрогнул, увидев, что едва ладошкой не накрыл проползавшего мимо серого крупного, с мою руку как раз, тарантула.

Арахнофобией я не страдаю, но видя подобных опасных тварей, всё-таки предпочитаю вскочить и раздавить башмаком, что тут же и сделал, нежели мирно сожительствовать и

не замечать. Видать, городской рефлекс, хоть там таких здоровых и мохнатых я, благо, никогда не видел. Стремление защитить близких и детей, чтобы на такую ядовитую дрянь не наткнулись.

А, может, всё то же, что и с боязнью уколов? Мне, в принципе, не шибко страшны там пчёлы и шмели, осы, даже скорпионы, но мысль об укусе паука или змеи сейчас внушала кую-то настоящую необъяснимую дрожь, представляя себе подобное, как настоящий кошмар наяву!

– Ох, чего ты, – сокрушался о судьбе членистоногого участковый.

– Да ты его видел? Лохматый, здоровый, я думал, в России такие вообще не водятся! – заявил я, реально в глубине души всё же ощущая этот с веками заложенный первобытный страх перед кусачими тварями.

– Мизгирь, как мизгирь. Южнорусский тарантул, – произнёс в ответ собеседник, – Из семейства пауков-волков.

– Да всё равно какой! Испанский, южнорусский, бразильский! – жестикулировал я довольно активно, – Мог за руку цапнуть и на тот свет меня отправить.

– Да ну что ты, Пётр Ильич, – всё сокрушался тот, – Мизгирь, он как шершень. Поболит, опухнет, дня три и пройдёт. Не смертельно.

– Всё равно не много радости трое суток с отметинами «вампирических» клыков на руке ходить, да ещё, может, аллергическая реакция какая выступит. У многих людей вон на

пчёл аллергия есть. А кто знает, что у населения страны в отношении тарантулов. Южно-русский, говоришь? Не на таком уж мы и юге здесь в Свердловской области, – отвечал я на это.

– Но места-то хорошие, а лето жаркое. Давным-давно обитают, иначе бы и такого культа предков к ним ни было, – произнёс участковый, – Мелкими паучками птахи местные кормятся, лягушки. Регулируют их численность, чтоб не расплодились.

– Ты зубищи эти видел? – всё ужасался я, – Сам серый, на нём рисунок такой светленький, словно роспись народная, глезки-бусины, а под ними... Рыжеватые в чёрную полосу, мехом покрытые громадные челюсти, пол руки оттяпает. Вот недаром же их пауки-волки назвали...

И тут меня как-то осенило, да сразу вдруг поплохело. А точно ли из-за серых волков деревеньку ту когда-то «Волки» назвали? А не из-за засилья ли здесь вокруг таких прядильщиков, которым поклоняются местные селяне, как духам-защитникам и живым оберегам? Какие именно это «Волки»? Аж ехать туда расхотелось, хотя никогда такой панической боязнью пауков я, вроде бы, не страдал.

Я не боялся их мелких домовых собратьев, когда те попадались в квартире или за городом, меня не пугали картинки из детских энциклопедий или документальные передачи, хотя сам факт этой немислимо жуткой смерти, когда несчастную мышь или кузнечика буквально в жидкость вместе со

всеми органами и мышцами растворяет изнутри паучий яд, а этот «вампир» потом просто пьёт свою жертву из кожной оболочки – способен внушить отвращение ко всем восьминогим.

А вот сейчас, когда оно минуты назад подползало к моей руке, меня за горло схватил такой ужас, что узри я подобно-го вновь рядом с собой, уже бы начал всерьёз паниковать и желать отсюда убраться. А потом ещё и машину бы на дезинсекцию отправил, не дай бог занести такую мохнатую ядовитую тварь в Екатеринбург!

– Убивать паука – очень плохая примета, – только и сказал на это Георгий, – Особенно в этих краях. Ладно, идём, – вздохнул он, глядя на то, что осталось от существа после моей подошвы, а я судорожно озирался, нет ли где ещё таких монстров.

Они хоть и серые, но на сухой выцветшей траве всё равно виднеются плохо, не контрастно, можно и не сразу заметить. Вот в экзотариуме при зоопарке, где я тоже никогда при виде таких существ никого из них не боялся, я видел, например, чёрного или тёмно-бурого с яркими рыжими полосочками вдоль лапок, такой был бы крайне заметен на многих наших пейзажах. А, которого раздавил, тот ещё мастер маскировки.

– Вот-вот, идём поскорее! – мне тоже не терпелось убраться, вдруг у них здесь гнездо, – Ты ж не собираешься ему могилку копать и хоронить, – усмехнулся я, пытаюсь отвлечься от накрывшего меня страха перед пауками.

– Теперь точно дождь пойдёт, – как-то обречённо произнёс участковый, словно всерьёз верил, как маленький ребёнок, что погодный эффект может быть связан с убийством маленького членистоногого.

Да они же тут, небось, повсюду. Кого птица склюёт, кого лошадь копытом раздавит, кого ещё чем-нибудь пришибёт, у нас что, дождь непрерывно связан с циклом жизни пауков? Боюсь, он бы тогда шёл вечность, не переставая, а тут солнце вон так всю траву выжгло за «бабье лето», сам ещё помню эти солнечные и даже душные деньки. Даже не знаю, где было полегче их переносить, у нас в городе, или вот здесь, в сельской местности.

– Да ничего, небо хмурое, но не настолько мрачное, – был уверен я в обратном, – Просто облачный сегодня день. Ливней в сводке погоды не обещалось, – полез я заодно в телефон перепроверить.

По дороге в деревеньку Лузенину нам попадалось ещё несколько пауков. Благо, соломенных. Видя их, оставленных на полях, как стражей, я мысленно погружался уже в местную культуру, сам себе додумывая какие-то ритуальные пляски, похожие на тарантеллу, расположение домов от центра во все стороны с улочками в форме паутины и иное почитание этих созданий.

Наверняка у пряж есть даже какие-нибудь напевы или молитвы к Богу-Пауку, чтобы пряжа хорошо прялась, чтоб никто не растрепал, чтоб нити не рвались, чтоб узор ровным

шёл. Пауки-то в этом искусстве мастера, куда нам до всех их тонкостей. Охватывавший меня изнутри после случившегося ужас сосуществовал теперь уже бок о бок с трепетным почтением в попытках разобраться в истоках местной культуры.

Кто для них паук, если это реально здешний лохматый тарантул, почти незаметный на полях, со своим уникальным орнаментом по серой шёрстке. Он и творец мира, и реальное существо, способное забрать жизнь. Не знаю уж, что там про слабый яд говорил мне этот страж правопорядка, но в допотопные времена у людей и иммунитет был явно послабее. Пока те, кто выживал после паучьих укусов, не наплодили потомков, а те, также покусанные, своё следующее поколение, смерти ещё как могли случаться.

Не знаю уж, как менялся уклад местной жизни, если даже электричество до сих пор в ряд деревень не провели, но сельскую культуру, особенно, когда дело касается каких-то обрядов и верований, нам, городским, иногда понять попросту не суждено. Сказки и суеверия здесь вполне реальные исторические события и обязательно сбывающаяся магия.

Здесь гадают на суженных, предсказывают погоду по закату, а не по сводке из выпуска новостей. Это совсем иная жизнь, где доминирующее навязанное христианство сосуществует с давними языческими культурами, где по-прежнему уважают домовых, задабривают полевых и леших, где по ночам по-настоящему страшно, но не от темноты, а от того, ко-

го она способна скрывать.

Эта деревенская глубинка – буквально дорога в параллельный мир, где все живут в привычном укладе год за годом, столетие за столетием. И пока где-то там возводят нефтяные вышки, открывают кабельные телеканалы и запускают спутники в космос, здесь по-прежнему водят хороводы вокруг соломенных пауков и верят, что убийство живого членистоногого может привлечь неудачу и ненастье.

Становилось немного не по себе от всего этого, а день, тем временем, из-за плохой погоды уже постепенно двигался к вечеру. Не понятно, как я собираюсь возвращаться. Пару часов мы потратим на Лузенину и Волки, потом обратно до машины, до поворота на... как их там... Марийские Карши, вроде. И сто семьдесят километров обратно. Ладно уж, никаких звонков в пути, поеду на большой скорости, включу фары. Что нам, впервые что ль возвращаться из какой-то глухомани на ночь глядя? Мне-то ночь не страшна, со мной технологии. Будет свет автомобиля, под рукой всегда телефон с выходом в Интернет. Это даже лучше чем пафосная кобура с понтовым пистолетом, между прочим.

Однако же, при входе на территорию деревни задор мой весьма поубавился. От моста мы повернули в правую часть и тут же завидели сидевшую на земле старуху, молящуюся на небо, надевшую платье задом наперёд, так как когда она кланялась, были видны крупные вздутые пузыри у неё на спине из-под не застёгнутой ткани.

– Дело неладное, – сразу шепнул я участковому.

– Кузьминишна, ты что ль? – шурясь, признавал её тот, так как в каждой деревне определённо со многими общался, а то и вовсе запоминал всех и каждого, кто знает, насколько феноменальная у этого человека память.

– Пеньков! – вскрикнула она, – Беги давай отсюда! Беда в деревне! Ах! А-а-й! – постанывала полноватая старушка с тёмно-зелёным в белый узор платком на голове, причём не как косынка, а то, что называется «завязанный восьмёркой».

– И тебя борщевик потрепал что ль? Экая напасть! – при-топнул Георгий.

– Да какой борщевик, беду мы на себя накликали! Ой, неразумные! – причитала и буквально рыдала сморщенная старая женщина, задирая руки к небу и кланяясь, – Милостивая матушка, прости! Пощади!

– Да вон ж у тебя вся спина в ожогах пузырится, – отвечал ей участковый, оглядываясь и на творящийся вокруг хаос.

Одни изуродованные бегали между домами по улочкам, что-то выкрикивая, другие, более здорового вида, будто бы их гоняли. Из-за ставней раздавалось разноголосые визгов, матерная брань и звуки битой посуды, словно в каждом доме гремел какой-то семейный скандал или даже соседские разборки. Всё это под завывания и резкий лай прикованных к будкам собак и топот творящейся снаружи беготни.

– Боже правый, – ахнул я, разглядывая эти крупные вол-

дыри на старческой коже, аж вздрогнул, когда на мгновение показалось такое, о чём и фантазировать было немислимо.

– Да что стряслось-то? Всё с ума посходили? – с возмущением повышал голос Георгий Владимирович

– Тебе ли не знать, какое жаркое лето было... – кручинилась старушка, – Видать, птиц многих от наших земель отвадило, припекло. Никто паучат мелких не пожирал, расплодились мизгири серые повсюду! То ребёнка цапнет, то на скотине сидит, то к рыбаку заползёт, пока ждёт-сидит на бережке... Ну, и решили эти дураки всё в свои руки взять, наубивали пауков за весь сентябрь, а теперь расплачиваемся! – вновь задрала она руки ввысь, – Атла-Наша, матушка, пощади души грешные! – причитала она, не то ругаясь, не то произнося имя своей богини.

– Да вы серьёзно? – теперь уже не выдержал я, – Проказа за убийство пауков? Да, наверное, ползучие твари сами болели какой-то заразой. Вы их лупили лаптями там, сапогами, чем ещё. На себе таскали потом эту заразу, сами заболели, – зывал я к рациональному объяснению.

– Товарищ подполковник, – звонил уже своему начальству Георгий, – Майор Паньков, старший участковый, да. Мне прям целую бригаду в Лузенину и, может, сразу по обе стороны. Творится чертовщина, бьют друг друга и окна в избах заодно. Надо разбираться, задерживать. Врачей сюда и санэпидемстанцию тоже бы, все в язвах, ожогах, у нас тут борщевик, ну вы про ЧП в Ачите уже слышаны сами, да.

Такое во всех деревнях к северу, – сообщал он, хотя на самом деле в двух ближайших от поворота по нашему пути, на удивление, признаков эпидемии не наблюдалось.

– Это уже явно не борщевик, – проговорил я вслух, но не ему, говорящему по телефону, и даже не старухе, а так, сам для себя.

– Сейчас ещё «Волков» проверим и разворачиваемся, – говорил он подполковнику, – Да, в Ачите буду уточнять у врачей ещё, детей эвакуировали? Пусть автобусы сюда везут, тут в деревнях то же самое, да. Без докторов нашим лучше не соваться, кооперируйтесь там по возможности. Нет-нет, ваше личное присутствие ни к чему, незачем подвергать себя такой опасности. Руководите дистанционно, а мы будем справляться. Да, маски пусть нашим сотрудникам раздадут. Ага, карнавальные, товарищ подполковник, – находил он ещё время пошутить, – Медицинские стерильные, может, тут и не борщевик вовсе, а может, всё разом. Чувствовал я, эта аномальная жара нам ещё аукнется... Да, буду в Ачите, отзвонюсь и доложу обстановку.

– В «Волки» это уже без меня, товарищ майор, – сообщил я тому о нежелании двигаться дальше, когда он убрал телефон в карман синеватой формы.

– Дык, а как я без тебя и машины добираться буду? – удивился тот.

– Я в машине и подожду. Вернусь к ней, там, кажется, безопаснее, – отвечал я с полной уверенностью, стараясь сохра-

нить хладнокровие, хотя на самом деле нервничал.

Не то, чтобы и вправду поверил в какие-то проклятья, могучих древних богов и прочие слова старушки, погрязшей в пережитках прошлого, предрассудках, мифах и будто бы самолично застрывшей где-то там во времени даже не в средних веках, а во временах куда более давних. Но признаки странной болезни-то всё равно, несомненно, у меня прямо перед глазами.

– Да тут вниз от моста и далее по низине, рядом совсем! Заходить в деревню не будем, глянем обстановку. Мне знать надо, что докладывать, проводить там эвакуацию или нет, – всё просил составить компанию Георгий.

– Да твою ж мать, – треснул я себя по ноге, не желая с ним соглашаться.

У меня ж у самого дети, жалко деревенских в беде бросать. Но и к своим вернуться куда больше хочется. Да и что он, один не справится что ли?! Я вот ему на кой чёрт сдался-то вообще? Чтоб не страшно было? Да он такой мужик, что даже ядовитых пауков жалеет! Такой самого Вия не испугается и глянет тому в глаза при встрече, ещё и галстук в отражении поправит, ни разу не вздрогнув. У нас вся страна только на таких бесстрашных энтузиастах и держится, которые собой ради чужих малышей рисковать готовы...

– Я в машине подожду, – медленно повторил я ещё более уверенно свою фразу.

– Да ты не бойсь, у меня табельное при себе! – как же

гордился он своим пистолетом...

– А кого стрелять-то, Георгий Владимирович? Вирусы? – не понимал я в кривой усмешке.

– И то верно... – вздохнул участковый и замолчал, явно не желая меня отпускать, словно, побаиваясь, что я, сев в машину, брошу его здесь на растерзание судьбе и уеду во-свосяси.

Но я ж не такой, разве я так запаникую? Уехать хочется, и в больницу первым делом, а не домой. А машину в мойку и на дезинсекцию от всяких тварей и бацилл! Проверюсь, что ничего не подхватил. Ещё эта тут воет-причитает, а вместе с ней на улицах сидят вон такие же старушки и деды с бородами до земли, когда скрючиваются. Молят небо, молят бога или эту свою матушку-богородицу, уж не знаю. Слишком запутаны местные верования, если всерьёз воспринимать всё то, что рассказывал мне Георгий.

– Да вызовите туда помощь сразу, зачем вообще проверять? – не понимал я.

– Ну, будь по-твоему, а то мы так до сумерек с тобой прекаться будем. Ты мне ничего не должен, как и я тебе. Точнее, я-то как раз твоему Сергею Степановичу обещал «Волки» показать и участки заброшенные, где либо померли последние бабки, либо уехали все. Не пойдёшь, значит, смотреть? Сам понимаю, вон какое дело, – развёл он руками во-круг под вой собак и людей.

– Нет, ну, а что я ему скажу? Что так и не доехал? Если

что, пусть лечение оплачивает и второй отпуск даёт, – произнёс я, не зная, ради кого и ради чего это всё делаю.

Как будто уже какая-то сила, внутренняя грызущая совесть, не позволяла мне отступать назад. Не хотелось бросать участкового одного, он, вроде, человек весьма неплохой такой, как мне показалось. Ещё эти его жалостливые фразы про деревенских детей, кстати, которых и тут в Лузенине немало, небось. Понимаю, что у меня как бы есть долг перед начальством, меня послали в «Волки», а уж сквозь какой ад я туда добираюсь, наверное, моё дело. Но лезть в непонятную эпидемию? Я что по-настоящему схожу с ума? Так вместе же не сходят, это всё по-одиночке должно быть. А мы с Георгием вон вдвоём переться решили на свою голову...

– Так идёшь али нет? Ильич, давай, не затягивай! – поманил он пальцами вытянутой ладони, но не зазывая к себе в прямом смысле, а как бы торопя с ответом, вытягивая из меня поскорее решение.

– Да иду... – нехотя слетело с губ, хотя, конечно, хотелось бы вернуться к машине.

А если я туда залезу, а там паук на сидении? Одному там ждать Георгия как-то уже даже неуютно при таких мыслях. А если он сгинет где-нибудь? Задержится в «Волках», приболеет или ему приказ сверху придёт, вертолёт какой за ним, а я буду ждать и ждать, пока ночь не настанет? Нет, вдвоём так вдвоём. Я ему не напарник, я ему ничего не должен, он всё верно сказал сейчас, я просто за компанию, чтоб никому

из нас не поддаваться этой панике.

На дорогу и к мосту мы не вернулись, куда ближе было прошагать сквозь деревню. На шум внутри некоторых изб мы даже забегали, особенно, когда двери были не заперты и аж прихлопывали от творящейся внутри суматохи. Члены семей ругались, за что им такая напасть пришла. Обвиняли друг друга на чём свет стоит, я столько бранных фраз даже в песнях Шнура никогда не слышал.

Малые дети в таких домах всегда прятались в подвалах, пока мы пытались урезонить драчливых мужиков, то соседей, то отца со взрослым сыном, то братьев каких. То здоровые все, то приболевшие, то сами без язв, а старуха, мать их, вся в волдырях либо чья-то жена с пузырями на шее. И колотят друг другу лица, обвиняют, что нельзя было мизгирей трогать. А у тех своя правда, мол, дитяток кусали, самих за ноги цапали, куда руку не ткни, всюду пауки сновали.

Я б точно с ума сошёл. Как выяснилось, вид без стекла, не на картинке, не в видеоролике, а крупного тарантула рядом с собой безо всякой от того защиты, меня изрядно так изнутри корёжит. Причём, чем чаще бы я сталкивался с таким, которого раздавил ботинком, тем лишь сильнее усиливался бы явно мой страх. Паук пауком, восемь лап, восемь глаз, это ладно. Строение не такое страшное, просто осьминог сухопутный. Но эти чёртовы челюсти! Эти проклятые хелицеры! Какие ж крупные! С мужской ноготь большого пальца шириной, я как вспомню! Да безо всякого яда этот укус был бы

самой жуткой пыткой из всех возможных в моей жизни! Да как я чудом уцелел, не знаю.

И, кстати, раз они поубивали кучу пауков в округе, значит, мы этих членистоногих встретить уже не должны, ведь так? А тогда и бояться зачем? Чего бояться, если объекта твоего страха более нет. В фильмах ужасов, убив монстра, все вздыхают с облегчением и ничего не страшатся. Пора и мне взять себя в руки, пока мы покинули Лузенину и двинулись вниз по небольшому холмистому склону в деревню, окружённую с трёх сторон густым лесом.

Раз дети по погребам у всех, куда мы свой нос решили сунуть, значит, не нужно так уж сильно за них переживать. Спрятались, переждут. Точнее, это их матери да отцы сами попрятали, как мы узнавали у тех, кого удалось разнять. Почеловечески поговорили минут пять и дальше, от дома к дому, потеряли полчаса или даже больше, чем, если б не обращали внимания, но унять столько мелких потасовок, я считаю, уже несколько хороших добрых дел. Повезло ещё, нас по лицу никто не ударил, хоть и пытались. Пистолет участкового живо всех распугивал одним своим видом в кобуре, даже доставать не пришлось. Надеюсь, хоть настоящий, а не муляж, мало ли в воздух пальнуть для особо разъярившихся ещё придётся.

Но всё равно мужиков, которых удалось вразумить, и которые не были покрыты язвами, мы уговорили спасти малышню и выводить из деревни. Поручили им эвакуацию, ска-

зав, что скоро придёт помощь. Георгий же и вправду сюда вызвал людей, отвезут тех, кто ещё не заражён, в безопасное место, пока мы разведываем ситуацию далее.

Впереди нас в вечернем тумане уже виднелась территория деревеньки. Шагали мы туда в быстром темпе, несмотря на усталость, где на улицах все молили какую-то матушку. Мне даже показалось, здесь не христианские, а уже почти мусульманские корни. Некий «Атлах» звучал в словах молящихся стариков, знаю лишь такой когда-то существовавший город на территории нынешней Киргизии, где произошла Таласская битва между китайцами и арабами в древнейшие времена. Может оттуда и божество в наши края добрело в сказаниях да поэмах, так или иначе, с расселением народов, торговыми путями и тому подобным?

Поначалу мне казалось, что впереди нас ждёт очень-очень густой туман, потом, подходя ближе, дымка виделась вполне проглядной, но вот деревня была будто бы покрыта снегом. А, когда же мы, подошли совсем близко, то не верили своим глазам!

Все «Волки» были окутаны многослойными нитями белёсой паутины! Не просто там кусок дома или вдоль сарая, а всё целиком и полностью! Улицы, столбы, крыши домов и пространство между ними – всё-всё было опутано липкой полупрозрачной субстанцией, под которой шевелились настоящие орды восьминогих тварей всех возможных размеров.

Они играючи легко перебирали своими лапками и ползали, кто по крышам, кто по земле, кто вверх или вниз по стенам деревенских избышек. Зрелище поистине шокирующее, увидеть арахнидов в одном месте да в таком количестве без всякого заграждения, если не считать полупрозрачный покров из паутины.

Я воочию узрел, как возле не закрытого ставнями окна медленно в сторону крыши взбирался паук превосходящий размер этого самого окошка! Да таких ведь не бывает и не должно вовсе быть! А они были, живые и настоящие, не какие-то духи хранители, не призраки прошлого, не демонические субстанции, а материальные членистоногие размером от таких, что с ладошку, снующие чуть ли не стаями в областях чердаков, до подобных тому чучелу из соломы, буквально с лошадь, с машину, если не больше, проползавших по паутине улиц между домами, цветниками и огородами.

Некоторые тёрли задними лапками своё лохматое брюшко, какие-то издавали kloкочущие звуки своими крупными загнутыми челюстями, один вид которых вводил буквально в обморочное состояние. Казалось, даже тому, кто не шибко боится таких созданий, при виде этих многолапых гигантов, серьёзно превышающих привычный для нас размер даже тех же тарантулов и птицеедов, было бы крайне не по себе. А от пауков можно ждать чего угодно. Вы когда-нибудь видели, как они молниеносно хватают добычу? Да на расстоянии с целую улицу такая тварь смогла бы схватить человека

в мгновение ока!

Были опутаны деревья и деревенские лавочки, качели и киоски, собачьи будки, цепи чьих обитателей вели вовнутрь темноты входного отверстия и оставляли судьбу владельцев неизвестной. И я, и Георгий от вида этого просто непередаваемого невероятного ужаса остолбенели так, что не могли закричать и даже броситься стремглав наутёк, как только узрели копошащуюся мерзость, как единый бесформенный организм, опутавший целое поселение! Но самое ужасное мы заметили чуть позже.

– Смотри! – ткнул участковый пальцем в пространство центральной улицы перед нами, а я аж одёрнул его, чтобы он своим медным голосищем не привлекал внимание этих чудовищ.

Теперь уже эти мысли о несчастных мышах, которых восьминогие ядовитые охотники заживо растворяют и выпивают, переходили на новый уровень, если представить, что гигантские пауки начнут лакомиться человечино́й, чем, похоже, они здесь и промышляли. Укус одного того малыша я представлял самым болезненным, а если пронзит тот, что размером с окно или тот, что размером с машину? Даст бог, умрёшь от потери крови раньше, чем ощутишь, как гниют в месиво «бульона» все твои внутренности... А если вдруг не умрёшь и будешь вот так разлагаться живьём? А эти многоглазые чудовища будут ползать к тебе, вновь вонзать свои клыки и пить, пока ты ещё всё чувствуешь...

Я едва не упал, а там, куда показывал Георгий Владимирович, по дороге проползал человек. Несчастный щуплый старик, совершенно голый, усеянный на шее и спине этими крупными волдырями, в которых даже сквозь слои паутины было видно, как подрагивают маленькие тёмные фигуры...

И тогда я вспомнил, что мне примерещилось у того мужчине ещё в Верхнем Уте, и затем в волдыре старухи соседней деревни – я буквально видел, как внутри пузыря дёргалось нечто чёрное, но решил, что разум и фантазия решили сыграть со мной злую шутку. Мозг как бы отрицал и прятал от меня настоящую реальность, пока сердце твердило быть сильным и сохранять мужественность. А сейчас уже накрыло озарение, и воспоминания друг за другом хлынули под всё звучащий в голове аккомпанемент этих слов её голоса, сообща о разгневанной языческой богине, виноватой в охватившей местных жителей болезни.

И вот пузыри лопнули... Сонм мелких паучат во все стороны расползлся от распластавшегося и, кажется, в этот самый миг испутившего последний вздох измождённого и иссохшегося деда, чьи соки они пили внутри, пока были крохотными, а теперь созрели до той поры, когда можно пробиться из своего кокона наружу.

Это был не борщевик и даже не бактерии, путешествующие на пауках. Эти твари попросту превращали людей в живые инкубаторы! В корм, который жрут их детишки, пока подрастают, прежде, чем раздрать оболочку несчастной

жертвы, заканчивая эту нескончаемую агонию, эхом доносящуюся с самых древних времён, когда мир был совсем иным, когда не было ни динозавров ни даже горгонопсов, когда миром правили членистоногие, в океанах сновали ракоскорпионы, а по земле уже ползали точно такие же пауки. Ничуть не изменившиеся в ходе эволюции, разве что, слегка обмельчавшие в размерах, как казалось современной науке, но я-то воочию видел, какие гиганты на самом деле среди них существуют где-то в дальних уголках нашей собственной страны!

Мои ноги дрожали так, что даже если бы на нас понёсся какой-нибудь крупный мизгирь, я бы не смог сдвинуться с места, лишь тщетно прикрываясь локтями от ужаса. А вот участковый был посмелее, хотя явно тоже был крайне шокирован увиденным зрелищем. Он достал пистолет из кобуры, хвала всем любим богам, похоже, всё-таки, настоящий.

– Знаешь, что Кузминишна и остальные там причитали? – проговорил он мне и даже голос у матёрого стража правопорядка немного подрагивал.

– Матушка что-то там? – как бы переспросил я, не уверенный, о чём конкретно он интересуется.

– Да. Не здесь, но Алтае или в Сибири, точно не помню, также называют свою богиню-паучиху. Атлащ-Наха или Атлах-Наха... Или Атлач-Нача, есть уйма вариантов произношения. «Атлащ» это что-то тоже связанное с прядением. Не «мегзти», как в старославянском, но что-то на ту же тему с другого наречия, от этого слова ещё «атлас» произошёл,

который материал – ткань такая очень ценная, красивая и гладкая. А «Наха», думаю, это от того же корня, что и вампирская богиня Нахема. В общем, мать-пряха, богиня-вампириша-паучиха, в том плане, что она прядёт паутину, и пьёт жизненные соки, высасывая своими клыками, – делился он не то где-то вычитанными или услышанными знаниями, не то личными догадками на основе других редких фактов и слухов.

Голос звучал без твёрдой уверенности, но, глядя на такое, я бы и сам не поверил, если б кто рассказал. В первую очередь, потому что, кажется, живыми из такой ситуации выбраться вообще невозможно. А иссушённых, худощавых и голых стариков да старух на улицу «рожать» выползало всё больше, и все вязким немощным хором что-то причитали и бормотали. Словно, их что-то тянуло наружу, будто эти существа внутри не просто пьют кровь и прочие жидкости организма, но ещё и как-то влияют на мозг, на само сознание, что человек их вынашивает и двигается на открытое пространство, дабы те расползались...

Это что же ждёт всё ближайшие деревеньки? То необычайное прямо-таки аномальное нашествие пауков после летней прогнавшей всех птиц жары, о котором рассказывала та рыдавшая в зелёном платке, это было только начало? Надо было дать им расплодиться и занять территорию, а теперь, после убийства десятков, если не сотен восьминогих, некая местная богиня разгневалась? И посылает своих отпрысков,

как кару всему человечеству?!

В голове не укладывалось, казалось, что и мой разум уже действительно оплавился и поплыл. К своему стыду я обнаружил под дуновением лёгкого ветерка, что от страха на глаза аж навернулись слёзы. Такого никогда не случалось, ни от просмотра фильмов, ни от чтения книг, разве что от утраты близких и на похоронах, когда можно позволить себе проявить чувства.

А сейчас это было всё и сразу – очнувшись и дремавшая внутри души арахнофобия, ужас перед гигантскими созданиями, перед болью и страданиями, которые они могут причинить, перед такой угрозой для своих близких и даже незнакомых обречённых людей, ощущение оттого себя полностью беспомощным, неспособным помочь, защитить себя и их, неспособным что-либо сделать, а также волнами налетавшие мерзкие мысли о возможной собственной жуткой смерти и боязнь за саму свою жизнь от нарастающей опасности стать, если не кормом, то тогда вот таким вот покрытым волдырями-яйцами инкубатором.

Кто не шёл в корм гигантским арахнидам, тот становился вместилищем для их потомства. Здесь ничего не пропадало зря, и это могло быть лишь началом, прежде, чем пути на плотным куполом накроет следующий посёлок, а потом соседний... А мелкие паучки так и ползут во все стороны от уже не трепыхавшихся и замолчавших тел.

Их предсмертный вой «Прости нас, матушка! Ио! Ат-

лах-Наха!» – с шипением и стенанием застыл в ушах, повторяясь вновь и вновь, словно уже их призраки, покинувшие исхудавшие замученные тела все ещё молят своего членистоногого идола-покровителя о прощении. Молят за себя и своих соседей, за ближайšie деревни и весь мир, способный пасть под натиском восьмилапых созданий.

Эти, почти лишённые жидкостей, высосанные тела, словно кукольные, как послушные марионетки, приняли свою участь под нитями судьбы жестокого кукловода. Паучья кара была действительно суровой и, быть может, увиденное нами здесь всё ещё не было самым страшным мучением, на которые способна эта самая «матушка».

Вспомнив, что я и сам сегодня убил паука, захотелось раствориться и спрятаться. Погрузиться в такие норы небытия, откуда бы не достала ни одна самая голодная преследующая тварь. Вот только разве ж можно скрыться куда от этих бесчисленных глаз? От этих охотников, чьи морды не способны ни на какие эмоции. Пауки изучают, опасаются и пожирают тебя с абсолютно идентичным взором, словно не ощущают ни любопытства, ни страха, ни удовольствия. Что они такое и зачем вообще на нашей планете? Не были ли членистоногие занесены вообще на Землю какой-то иной расой или на поверхности какого-нибудь упавшего метеорита? Чужеродные и не похожие ни на что иное создания от стрекоз и гусениц до скорпионов и сольпуг. Есть ли что-то ещё столь же далёкое от человека во всей вселенной?

На мгновение, озирая уродливый «купол» из паутины, охвативший в «Волках» каждое здание, мне показалось, что на долю секунды я увидел в тумане нечто ещё более колоссальное, нервно сглотнув и едва не рухнув на колени перед таким мегалитическим величием. Это не деревенька начнёт, вздыматься из захолустья, это местное чудовище вздымается к небесам над деревьями, нависая над обречёнными, словно игрушечными для его размеров, домиками.

Кто оно? Пра-отец всех пауков? Или та самая богиня-мать, опекающая своих детей и мстящая теперь людям за их жестокое убийство? Мелькнул лишь силуэт чудовищных лап, которые не смогли бы передвигаться, туши, которая была бы раздавлена собственным весом, однако нечто настоящее, громоздкое и асимметричное, даже не столь сильное похожее на привычных пауков, а ещё более загадочное, уродливое и тем самым наводящее истерический ужас одним своим фактом существования, скрывалось где-то в вышине среди серой мглы.

И было понятно, почему старики возводили руки к небу. Их богиня не жила на нём, она просто была столь огромной, что её застилала даже тучи. И гнев её они слышали в оскале грозы и содрогающих всё вокруг мощных раскатах, свидетельствующих о её могуществе и силе.

Она ли была занесена на планету, а потом породила всех насекомых, паукообразных и ракообразных, что мы можем сейчас наблюдать в поистине колоссальном многообразии?

Или явилась сама, как кочующее божество в поисках нового мира для обитания? Найдя нашу Землю, расплодилась своими детьми, заполнила разные ниши и все уголки земного шара, может, когда-то в лучшие времена обитая даже на Антарктиде, пока та не ушла на южный полюс, замерев ларцом доисторических сокровищ под непролазной коркой льда? Может, этот мир изначально принадлежит паукам, а мы здесь чужие? Побочный вид, выводок сочного скота, изначально годный лишь для пищи и инкубации, но умудрившийся взлететь цивилизационным рассветом лишь потому, что пауки научились сами заботиться о потомстве и защищать паутиной свою кладку ооетку, без необходимости откладывая яйца в млекопитающих. Так, может, богиня-матушка пришла человечеству напомнить о том, для чего людей когда-то создали?

Узрев бесформенного членистоногого колосса лишь на мгновение в серой, как вуаль всей этой путины, туманной дымке, я будто бы ловил посылаемые мне откровения – чужие транслируемые мысли, ужас которых современный человеческий разум попросту не выдерживал.

Меня отвлекли выстрелы. Если бы не они, я бы, наверное, уже рухнул и, держась за голову, взорвался от потока невысказанных и изуродованных нашим пониманием жизни, морали и естества картин, будто нарисованных большим воображением остервенелого маньяка, с непередаваемой звериной жестокостью упивающимся мучениями собственной жертвы.

Я огляделся и действительно стоял на земле на коленях. Приходилось приподнимать взгляд на Георгия, который стрелял в крупных приближающихся пауков размером с крупную собаку, если не считать диаметр лапок. Парочка из них, получив всего одну пулю в голову, и вправду переворачивались поджатыми кверху лапками, умирая от повреждений. Всё было не так плохо, как казалось на первый взгляд, и чувство тотальной беспомощности перед силами дикой природы чуть отступило, приведя меня в чувство.

– Надо выбираться отсюда, вызвать взвод, целую армию! Пусть сравниют «Волки» с землёй, пусть выжгут здесь всё дотла! – кричал с металлическим лязгом громогласный участковый.

Я поднялся, как смог, едва не споткнулся, но потом всё же выпрямил трясущиеся колени. Страх умереть здесь и сейчас, а точнее быть лишь парализованным этими челюстями и с неделю гнить-разлагаться изнутри в питательный бульон, находил во мне последние силы бороться, а точнее стремительно отступать. Бежать куда-то вслед за участковым, который куда лучше знал местность и обратную дорогу.

Он всё ещё отстреливался, хотя пара последних патронов, мне казалось, ушли уже наугад от нервов, а их стоило бы приберечь. И то, и другое, но боеприпасы в первую очередь. Я бежал, кажется, даже обгоняя его, потом намерено сбавлял темп, дабы не терять Георгия из вида, не понимая, как я, довольно шуплый мужчина, могу бежать быстрее столь креп-

кого и спортивного участкового.

Отступала даже пелена вечернего тумана, потому как мы из низины выбирались наверх, где сумеречный морок был не таким густым, да и лесная чаща отступала подальше. Впереди лишь убранные поля и снова окажемся в Лузенине, где, надеюсь, всё немного поуспокоилось после нашего вмешательства.

– Товарищ подполковник, снова Паньков, да, – начал звонить участковый, – Здесь чрезвычайное происшествие. Я даже описать не могу, просто нужны вооружённые отряды. Считайте, что на деревни напал враг, а какой, вам лучше самим увидеть. Нет, без личного присутствия, прилетать сюда не надо, а вот нас бы забрать неплохо было. Даст бог, сейчас до машины у Верхнего Ута доберёмся. Да чёрт его знает, что происходит, товарищ подполковник! Я не представляю, как отчёт писать, а вы меня голосом просите обстановку доложить. Местных убивают, враг непонятный. Огнемётчиков пришлите, тут какой-то мерзостью всё... – морщился он, шагая по липкой оказавшейся на поле паутине.

Как вдруг, менее, чем за секунду, из-под земли, из какой-то прикрытой и замаскированной норы, его выхватил серый паук примерно с лошадь, и затащил к себе, да так, что даже крика Георгия Владимировича я оттуда уже не слышал, замерев на месте и не смея даже дышать от увиденного.

Я видел такое в документальных передачах. Паук оплетает вокруг входа в нору своей сетью пространство, а потом

выпрыгивает на того, кто подошёл слишком близко. А мы же бежали вместе, почти рядом. Я тоже протоптался обувью по этой паутине, даже не заметив. Я мог быть вот так на его месте! Видать, его подошва оказалась более липучей что ли, или голос от телефонного разговора привлёк паука сильнее, чем вибрации наших ног... Или я каким-то чудом успел пробежать, а Георгий замедлился... Но его больше не было со мной. Его больше не было вообще! А я даже не мог сам позвонить кому-то и сообщить, что случилось!

Придя в себя, едва не задохнувшись, закашлявшись от нехватки воздуха и подавившись слюной, буквально склонившись вдвое, я стоял на месте, паникуя от издаваемых собой звуков ещё сильнее, ожидая, когда и на меня выскочит эта громадная тварь и утащит в недра заготовленной и раскопанной для меня могилы. Но мизгирь не торопился.

Почему-то в давно потерянном рассудке опять проскочили какие-то логические мысли, мол, корма с одного человека пауку может хватить довольно надолго, они обычно не запасаются несколькими жертвами. Разве что тенетники, к которым попадается в паутину обилие мух и кузнечиков, могут, как на шведском столе, пировать по желанию кем хотят из пришедших к ним на трапезу жертв.

Но один ли он на этом поле? И за что Георгия-то? Он-то чем виновен был и что плохого паукам сделал? Неужто тоже когда-то убивал ползучих гадов? Я, слегка отдышавшись, начал аккуратно идти ближе к дороге. Так путь к деревне

был дольше, чем бежать напрямую, но выглядел хоть чуточку безопаснее. Почему эта тварь не выскочила на нас, когда мы шли туда, ещё по пути в низину? Вся ситуация продолжала порождать вопросы, как космическая необъятная бес-тия производит свои отродья.

Может, в этом вся суть? Каждое поколение пауков становилось всё меньше и меньше, пока не остановилось на своих нынешних размерах. Сейчас открывают виды и удивительно маленьких паукообразных, в несколько миллиметров. А есть и птициеды-голиафы, которые хорошо закрепились в своей австралийской нише.

Не знаю, как обрывки знаний по школьной биологии и почерпнутое из документальных когда-то увиденных передач помогут мне выжить, я не знал никаких способов отпугивания пауков и не мог ничем защититься. Даже пистолет был во второй руке у Георгия, когда его, докладывавшего по телефону, затащили столь быстро, что палец даже в судорогах не успел нажать на курок...

Я в отчаянии брёл до деревни, из которой ещё предстояло добраться до следующей, отыскать в сумерках брошенную машину... Да уж, стал трудолюбивым «типичным козе-рогом», конечно... А я вот «овен» на деле, тот ещё баран! Будь проклята эта работа и эта глухомань, этот Степаныч и его задания, эти «Волки» с любым ударением, названные уже точно не в честь серых лесных хищников семейства псовых, а именно, что в честь пауков-волков, южнорусских таранту-

лов, которых здесь называют словом «мизгирь». А, может, и не только здесь, меня-то это как должно волновать? Будь прокляты все эти культи и богиня-паучиха вместе с ними!

Я судорожно дошагал до таблички с названием деревни и прямо на дороге рухнул на колени. Передо мной многочисленные восьминогие твари уже опутывали паутиной обречённую Лузенину вместе со всеми её молящимися жителями, давно обречёнными быть инкубаторами для вывода новых арахнидов... И какой смысл был всем этих людям вместе с их многочисленными предками столько веков, если не тысячелетий, боготворить этих пауков, если те вот так в одночасье устроили всему населению это зверское и воистину безжалостное истребление...

Позади ад, впереди новые круги преисподней, по краям поля, кишашие ловушками с засеваемыми там голодными охотящимися тварями. Даже до леса не добраться, и кто знает, что ожидало бы там. Где-то позади уже раздавалось шепуршание о сухую траву бесчисленных ползучих лапок... Почему? Почему именно пауки? Так страшно мне ещё не было никогда!

А среди этого, постепенно окружавшего меня мерзкого шелеста членистоногой орды, в котором также слышалось зловещие стрекотание, словно эти создание тёрли своими челюстями друг о друга, пронизывая меня ещё сильнее болезненными иглами дикого ужаса в преддверии неизбежного конца, был ещё один топот. Величественный, едва не со-

дрогавший землю. Помпезный и пафосный, с каким маршировала всеми своими несметными конечностями кривая и асимметричная богиня пауков, которая знала все мои грехи, каждую убитую за жизнь букашку, и особенно сегодняшнего раздавленного мизгиря, за которого была зла сильнее всего...

Оглядываться и смотреть на них было нельзя. Воображение само от одного только этого звука вокруг рисовало всё самое страшное. Нельзя было видеть воочию ни размереннодвигающее божество, ни его триумфально скрежетавшее потомство. Это мифический титан о тысячи рук и тысячи глаз. Хтоническое чудище, одолеть которое способны лишь иные боги. Это уродливое воплощение самого природного гнева, олицетворение ярости, это славянский Вий, взгляд которого хуже смерти.

Оно – и мать своим исчадиям, и генерал подручной прожорливой армии. Обоеполый бог-паук, оплетающий всё вокруг своей паутиной, готовый породить своё ядовитое воинство вновь и вновь, от которого не спасёт ни молитвенное слово, ни древнее заклятье, ни языческий оберег, ни нателный крест. Божество безжалостное и незнающее ни сострадания, ни прощения, потому как у природы просто нет таких понятий! Есть только хищник и жертва, а жертвой в этом плане сейчас выступает само человечество.

Под хлопки крыльев пророчащей смертью ночи, под эхо клёкота своей цвиркающей бесовской «музыки», выползали

те, кто жил за миллионы лет до человечества и будет жить ещё миллионы лет после. Истинные хозяева мира, верхушка пищевой цепи, с жадным хлюпаньем насмехающаяся над нашими жалкими попытками выстроить свою цивилизацию на издревле принадлежащей им планете.

Холодной гнетущей хваткой сумрак сдавливал моё сознание, заставляя понять, что я уже никогда не вернусь домой, не обниму родных и не имею будущего. Чьё-то совершенно чужеродное к нашему естеству правосудие будет вершиться здесь и сейчас, настигнув меня неотступным роком судьбы. Омут отчаяния принимал последние крупички моего жалкого рассудка, раздавленного под свинцовой тяжестью разможившей меня обречённости.

И если только может человек издать из самого нутра своей души неопиcуемый, почти звериный, идущий из древнейших времён вопль истинной беспомощности, то я, испустив его с последним дыханием жизни, в нём растворился, теряя сознание. Это было единственным способом спастись – единственным путём сбежать от реальности и не ощутить боль пронзающих клыков, выпрыскивающих растекающийся яд.

Оставалось надеяться, что уход от материальной действительности станет действительно вратами в вечность. Что я уже не очнусь полупереваренный изнутри или с пузырями паучьих яиц у себя на спине, когда во мне будет кто-то копошиться. Раствориться во мгле, стать ветром среди забытой

пыли эонов и давно заброшенных ветхих пустынь, затеряться во времени, где нет ни боли, ни самого страха, потому что даже формы перестают существовать. Оставалось пропадать в этой густой бездне забвения со скромным лучом затаившейся надежды, что военные выжгут здесь всё... И что хотя бы детей уже успели эвакуировать из поселений как можно дальше от этого воплотившегося в явь неистового и сотканного из липких нитей безумия хаоса кошмара.